

УДК 811.512.145

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНВЕКТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г. ИСХАКЫЙ

Д.К. Вахитова

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
e-mail: dilik15@yandex.ru

Казанский государственный архитектурно-строительный университет
(г. Казань, Россия)

В статье исследуется инвективная лексика в произведениях татарского писателя Г. Исхакий, творившего в начале XX века. В результате анализа выявленный корпус инвектив был распределен по шести основным лексико-тематическим группам. Отмечается, что наиболее обширной является группа проклятий, а наиболее частотной – инвективная единица каһәр (букв. проклятие). Самой разнообразной по составу является группа инвектив, основанных на метафорическом переносе. В результате исследования было установлено, что инвективная лексика была выявлена в определенном объеме в каждом рассмотренном литературном произведении. Таким образом, инвективная лексика является важным средством для создания дополнительной экспрессии в текстах Г. Исхакий, а также служит для реализации оценочной функции.

Ключевые слова: инвективная лексика, татарский язык, татарская литература, метонимия, эмоционально-оценочная лексика, метафора.

Введение

В лингвокультурной картине мира особое место занимает эмоционально-оценочная лексика, в частности инвективы. Инвективная лексика и фразеология в силу своей экспрессивной семантики выражает в резкой категоричной форме оценочные суждения о человеке и тем самым иллюстрирует систему ценностей лингвокультурного общества. Следовательно, инвективный слой языка является источником отражения ценностных представлений социума.

Инвективная лексика подробно рассматривается в различных дискурсах. К примеру, инвектива в управленческом дискурсе изучается в статье О.В. Филимонова, который приходит к выводу, что инвективный пласт лексики становится неотъемлемым фоном вербализированного управления [Филимонов 2023].

На сегодняшний день особую актуальность представляет исследование инвектив в речи современной молодежи [Барабанова, Сакс 2024]. В работе Е.И. Мещеряковой, Т.Ю. Скибо подчеркивается негативное воздействие инвективной лексики, которая в современных

условиях широко распространена в коммуникативном взаимодействии молодежи, кроме того, указывается, что инвективное словоупотребление оказывает разрушительное воздействие на духовность личности [Мещерякова, Скибо 2024].

Определенный интерес со стороны лингвистов вызывает инвективная лексика в политическом медиадискурсе. Особое внимание обращает на себя ряд работ таких исследователей, как О.В. Демидов, Е.Б. Пономаренко, М.Р. Желтухина, Т.В. Рябова, Н.Г. Тищенко [Демидов 2004; Пономаренко, Желтухина 2019; Рябова, Тищенко 2022] и др. В своем исследовании О.В. Демидов указывает на отчетливую тенденцию к оскорбительным выражениям в отношении оппонентов в современной публицистике, что является нарушением правил приличия [Демидов 2004].

В данной работе анализу подвергается инвективная лексика татарского языка. В сопоставительном аспекте инвективная лексика татарского языка исследуется в трудах Ф.И. Тагировой, Д.К. Вахитовой [Тагирова, Вахитова 2017].

Отметим, что инвективный фонд также комплексно изучается и анализируется в рамках художественного дискурса. В данной статье исследование инвектив ограничивается художественным дискурсом, который является бесспорным источником пополнения инвективного пласта лексики. В частности, анализу подвергается инвективная лексика татарского языка в произведениях одного из основоположников татарской возрожденческой литературы начала XX века Г. Исхакий.

Таким образом, объектом исследования является инвективная лексика в работах татарского писателя, публициста Г. Исхакий. В качестве предмета работы следует выделить выявление семантической специфики инвективной лексики в анализируемых трудах писателя.

Материалы и методы

В качестве материала данного исследования использованы примеры инвективной лексики татарского языка, выявленные методом сплошной выборки в повестях и драматических произведениях Г. Исхакий.

Основные методы обусловлены спецификой объекта и предмета работы. Методологию исследования составили интерпретативный анализ, сопоставительный анализ и др., на основании которых были сформированы основные лексико-тематические группы инвектив, использованные в трудах Г. Исхакий. Количественный анализ позволил выявить наиболее частотные инвективы, встречающиеся в художественном тексте данного писателя.

Результаты

Инвективные обозначения человека в татарском языке выделяются своими особенностями, которые были определены в группы инвектив, выявленные в литературных работах Г. Исхакий.

Количественный анализ свидетельствует о выявлении более 120 случаев использования инвективной лексики и фразеологии в драматических произведениях писателя. Выделенные инвективные единицы были объединены в представленные ниже лексико-тематические группы, отражающие особенности их употребления.

1. Упоминания сил зла, отсылания и проклятия являются самым широко используемым средством выражения инвективности. Инвективные формулы данной группы составляют 42% от общего количества инвектив, выявленных в произведениях Г. Исхакий. Особой частотностью отличаются такие инвективные единицы, как *каһәр* (букв. проклятие), *бәддога* (букв. проклятие), *шайтан* (букв. шайтан, дьявол). Как правило, слово *каһәр* (букв. проклятие) используется в составе проклятия *каһәр суксын* (букв. чтобы проклятие ударило) или *каһәр суккан* (букв. ударенный проклятием). В ходе анализа выявлено 37 случаев использования данных сочетаний (71% от общего количества инвектив данной группы): *Каһәр сукканнар! Нинди зур илне әрәм иттеләр!* ‘Проклятые (букв. ударенные проклятием)! Такую большую страну загубили!’ [Исхакий 1991: 97]; *Каһәр сукканнар икән, болар әллә нишләмәкче булалар.* ‘Проклятые (букв. ударенные проклятием), что-то они затевают [Исхакий 1991: 394]; *Бирмәс, каһәр суккан, бирмәс!* ‘Не отдаст, проклятый (букв. ударенный проклятием), не отдаст!’ [Исхакий 1991: 414]; *Каһәр суккан кияве дә бүген үк керергә булды* ‘Его проклятый (букв. ударенный проклятием) зять тоже сегодня решил зайти’ [Исхакий 1991: 418]; *Каһәр суксын! Эштән чыгып беттем.* ‘Проклятие (букв. чтобы проклятие ударило)! Я совсем выбился из сил’ [Исхакий 1991: 455]; *Ә, шундамыни бу бәддога төшкән, алланың каһәре суккан?* ‘А, там оказывается этот негодяй (букв. проклятие упало), проклятый Богом?’ [Исхакий 1991: 631]; *Кара, каһәр суккан, белмәгәнгә салына!* ‘Смотри-ка, проклятый (букв. ударенный проклятием), прикидывается, что не знает!’ [Исхакий 1991: 397]; *Менә каһәр суккан, ниләр сөйли!* ‘Вот проклятый (букв. ударенный проклятием), что говорит’ [Исхакий 1991: 400] и др. Инвектива *шайтан* ‘шайтан, дьявол’ составила 25% от числа инвектив данной лексико-тематической группы: *Кит, шәйтән!* ‘Уйди, шайтан!’ [Исхакий 1991: 157]; *Шул шайтанга алданып никадәр дәүләт бетердем, никадәр дәүләт!* ‘Обманувшись этим шайтаном скольких я богатств лишился, скольких богатств!’ [Исхакий 1991: 634] и др. (Перевод текстовых фрагментов здесь и далее выполнен автором статьи. – Д.В.).

Ряд инвектив данной группы используется в речи героев произведений в междоментной функции, что не подразумевает интенцию со стороны говорящего оскорбить или принизить социальный статус человека, а всего лишь выражает недовольство и неспособность изменить или повлиять на описываемую ситуацию: *Бритвасы да рәтләп үтми, шайтанны!* ‘И бритва неострая, черт возьми (букв. шайтана)’ [Исхакий 1991: 465]; *Шул, каһәр суккан!* ‘Так, проклятие (букв. ударенный проклятием)’ [Исхакий 1991: 397] и др.

В анализируемом художественном тексте название преисподней ‘*жәһәннам*’ встречается дважды в отсыланиях: *Жәһәннамгә җибәрим шул шайтанны!* ‘Отправлю в ад этого шайтана’ [Исхакий 1991: 551]; *Жәһәннамгә кадал!* ‘Сдохни в аду’ [Исхакий 1991: 554].

2. Выявленная инвективная группа метафор является разнообразной по составу и составляет 17% от общего количества инвективных единиц, обнаруженных в произведениях Г. Исхакий. Метафоры могут основываться как на неживых объектах действительности, так и на представителях животного мира. К примеру, *себерке* (букв. метла) используется в речи персонажей произведений для негативной оценки распутной женщины: *Син – себерке! Себерке, себерке!* ‘Ты – потаскуха (букв. метла)! Потаскуха (букв. метла), потаскуха (букв. метла)!’ [Исхакий 1991: 400]. Инвектива *пумала* (букв. помело) употребляется для уничижительной характеристики небрежной или непричесанной женщины: *Бу пумалалар берлә нишләгәннәрдер.* ‘Что сделали с этими растрепами’ [Исхакий 1991: 401].

Особо выделяются инвективные метафоры, основанные на сравнении с животными, т.к. их наличие придает дополнительную образность любому высказыванию. Такие инвективные метафоры, как *дуңгыз* (букв. свинья), *эт* (букв. собака), *сарык* (букв. баран) отличаются особой частотностью во многих произведениях татарской литературы. В работах Г. Исхакий было обнаружено 8 случаев употребления инвективной метафоры *эт* (букв. собака): *Мин, синең ишкелле, котырган эт кебек теләсә кем берлә орышышмыйм.* ‘Я, в отличие от тебя, не ругаюсь с кем попало как бешеный пес’ [Исхакий 1991: 400] и др. Метафора *дуңгыз* (букв. свинья) в трудах писателя не обозначает конкретный человеческий недостаток, а в целом выражает недовольство со стороны говорящего поведением или поступками инвектума: *Ибраһим да дуңгыз, бөтен эшине бозды, ул булмаса, берни булмый иде.* ‘Ибрагим тоже свинья, он все испортил, если бы не он, то ничего бы не было’ [Исхакий 1991: 406]; *Авызына сук дуңгызның, авызына сук!* ‘Бей этого свинью в рот, бей в рот!’ [Исхакий 1991: 427]. В произведении Г. Исхакий лексема *сарык* (букв. баран) используется в сочетании с *маңка сарыгы* (букв. сопливый баран) для номинации молодого, неопытного, глупого человека:

Мине маңка сарыгы дип мыскыл итә торган күрше кызлары, минем берлә су буйларында бәбкәләр саклаучы Миңлебай кызлары бары да миннән качалар. ‘Соседские девчонки, которые издевались надо мной, называя сопливым бараном, и дочери Минлебая, которые когда-то со мной стерегли гусят у воды, все избегают меня’ [Исхакий 1991: 79].

Инвективные метафоры *елан* (букв. змея), *ана-мачы* (букв. кошка) употребляются в отношении коварных, хитрых женщин: *Елан!* ‘Змея!’ [Исхакий 1991: 397]; *Син – ана мачы!* ‘Ты – кошка!’ [Исхакий 1991: 399].

Таким образом, проанализированные примеры с содержанием инвективных метафор подтверждают идею о придании особой экспрессивности и эмоциональности высказываниям.

3. Особую группу составляют инвективы, основанные на таком приеме, как метонимия. Данная группа составляет 9% от общего количества инвективной лексики, выявленной в анализируемых работах. Метонимия предполагает использование части вместо целого, например, в произведениях писателя обнаружены такие компоненты, как *авыз* (букв. рот), *баиш* (букв. голова), *йөз* (букв. лицо), которые используются в составе таких инвективных сочетаний, как *мәми авыз* (букв. еда+рот), *кибәк баиш* (букв. мякинная голова), *кара йөз* (букв. черное лицо). Инвектива *кибәк баиш* (букв. мякинная голова) обозначает человека, обладающего умственными недостатками: *Син кибәк баиш!* ‘Ты – безмозглый (букв. мякинная голова)’ [Исхакий 1991: 601]. Выражение *мәми авыз* (букв. еда+рот) используется для номинации мягкотелого, бесхарактерного, нерешительного человека: *Һаман шулай торасыңмы, йә әле, мәми авыз?* ‘Ты все еще так и стоишь, ну-ка, мямля (букв. еда+рот)?’ [Исхакий 1991: 93]; *Хәзер инде мин элгәресе кеби мәми авыз түгел, роман укыган кеше.* ‘Теперь я не такой мямля (букв. еда+рот), как раньше, а тот, кто читает романы’ [Исхакий 1991: 121]. Инвективное сочетание *кара йөз* (букв. черное лицо) не обозначает какой-то определенный человеческий порок, а используется для выражения недовольства человеком в целом: *Ач, йөзең кара кыз!* ‘Открывай, проклятая (букв. девушка с черным лицом)’ [Исхакий 1991: 399]; *Йә, йөзең кара, ник чакырдың?* ‘Ну, проклятая (букв. у тебя черное лицо), зачем звала?’ [Исхакий 1991: 539].

Сама лексема *адам/кеше* ‘человек’ также встречается в произведениях в составе инвективной фразы *кеше/адам калдыгы* (букв. остаток человека), которая направлена говорящим на себя: *Менә мин – хәзер шул суык көндә, шул ыжгырдый торган эңилдә, шул хатыным берлә бер түшәккә яткан өйдә, үткән гомерендә бер нәрсә эшләмәгән, киләчәгендә эшләргә идеалын, иманын югалткан, эшкә ярамый торган бер адам калдыгы!* ‘Вот я сейчас, в этот холодный день, на этом завывающем ветру, в том доме, где я лежу с моей женой на кровати, я – человечешка (букв. остаток человека), который ничего не сделал в своей жизни, который

потерял свои идеалы и веру в свое будущее, и который ни на что не годен!’ [Исхакий 1991: 145].

Несмотря на немногочисленность указанной лексико-тематической группы, рассмотренные инвективы вносят значительный вклад в выражение эмоционального отношения и состояния героев.

4. Следующую группу составляют отождествления человека с социально неблагополучными группами, данные инвективы занимают 11% от общего количества анализируемых инвективных выражений. В работах писателя встречаются такие отрицательные номинации человека, как *жулик*, *шпана* и др.: *Бер шпана сызгырырга тотынды*. ‘Какой-то шпана начал свистеть’ [Исхакий 1991: 52]; *Шул жуликкамы? ‘Этому жулику?’* [Исхакий 1991: 403]; *Син безгә шул хезмәтемезгә каршы, сезнең бөтен нәселеңезне туйдырып торумызга каршы алла нинди жуликлар сүзенә карап йөрисең!* ‘Ты веришь словам каких-то жуликов и высказываешься против нашей работы, несмотря на то, что мы кормим всю вашу семью!’ [Исхакий 1991: 407] и др. Также были выявлены случаи обвинения человека в бедности, таким образом, слово *хәерче* (букв. нищий) приобретает резкую негативную экспрессивную оценку: *Син кем соң? Хәерче!* ‘Ты кто такой? Нищий!’ [Исхакий 1991: 399]; *Килгән вакытыңда өстеңә күлмәгең дә юк иде, хәерче!* ‘Когда ты сюда пришла впервые, на тебе даже платья не было, нищая!’ [Исхакий 1991: 400].

Тунеядство и нахлебничество является объектом критики и порицания со стороны героев произведений как в отношении других людей, так и в отношении самих себя: *Менә мин – шул үземнең тормышымның начарлыгын уйлап та, аңлап та, үземне үзем шул начарлыктан, шул баткаклыктан чыгара алмаган көчсез, хәлсез бер әрәмтамак!* ‘Вот я – бессильный, слабый дармоед, который, даже думая и понимая всю уродливость своей жизни, не может вытащить себя из этой уродливости, из этой трясины!’ [Исхакий 1991: 145]; *Кара, бу әрәмтамак тагы монда килә икән әле*. ‘Смотри, этот дармоед снова сюда пришел’ [Исхакий 1991: 445].

5. Лексико-тематическая группа, направленная на осуждение интеллектуальных недостатков человека, составляет 19% от общего количества инвектив, выявленных в литературных трудах Г. Исхакий. Данный конгломерат инвектив включает в себя такие слова, как *дурак*, *тиле* (букв. глупый), *надан* (букв. тупой), *ахмак* (букв. дурень): *Ахмак, тик тор!.. Авызыңны сугып ярырмын!* ‘Дурень, помалкивай!.. Заеду тебе по рту!’ [Исхакий 1991: 311]; *Хәлил, син бу тилеләр сүзенә карама!* ‘Халил, ты не слушай слова этих глупцов!’ [Исхакий 1991: 405]; *Син бу тиле карттан бик күп күтәрдең, алла никадәр мыскыл күрдең, барысына да чыдадың, ләкин монысы чыдарлык түгел*. ‘Ты столько натерпелась от этого глупого старика, столько издевательств, ты все это вынесла, но это

невыносимо' [Исхакий 1991: 458]; *Кит, тиле, эчамме соң, Алла сакласын!* 'Уйди, глупец, разве я выпью, не дай Бог' [Исхакий 1991: 600] и др.

6. Инвективы, связанные с осуждением человека по гендерному принципу, составляют небольшую группу (2% от общего количества инвектив), однако выделяются своей яркой эмоциональной окраской. Особое презрение в работах писателя вызывают мужчины, ведущие себя подобно женщинам. К примеру, в произведении «Кәжүл читек» (Козловые сапоги) главного героя называют *катынша* из-за того, что он надел женские ичиги: *Әнисенең читеген кинән, әнисенең читеген кинән, әнисенең читеген кинән, катынша, катынша, – дип укыдылар*. 'Мамины ичиги надел, баба, баба, – говорили они' [Исхакий 1991: 271].

Обсуждение результатов

В данной статье была проанализирована инвективная лексика и фразеология в произведениях классика татарской литературы Г. Исхакий. На основе результатов анализа более 120 инвективных единиц были сформированы шесть основных лексико-тематических групп. Итоговые данные указаны в таблице 1.

Таблица 1. Лексико-тематические группы инвективной лексики в произведениях Г. Исхакий.

Лексико-тематическая группа	Количество	%
Упоминания сил зла, отсылания и проклятия	52	42%
Интеллектуальные недостатки	24	19%
Инвективы, основанные на метафоре	21	17%
Социальное неблагополучие	14	11%
Инвективы, основанные на метонимии	10	9%
Гендерный принцип	2	2%
<i>Всего</i>	<i>123</i>	<i>100%</i>

Численные данные из таблицы 1 свидетельствуют о том, что самыми частотными являются инвективные выражения, имеющие в своем составе упоминания сил зла, а также проклятия. Инвективы данной группы содержат главным образом такие компоненты, как *каһәр* (букв. проклятие) и *шайтан* (букв. шайтан, дьявол). Кроме того, значительную долю инвектив в трудах писателя составляют слова, направленные на критику героя с точки зрения его умственных недостатков. Наименее разнообразной по составу и частотности является лексико-тематическая группа для осуждения человека по гендерному принципу. В татарской литературе человек часто обвиняется в наличии в его поведении признаков, характерных для противоположного пола. Так, в рассмотренных трудах были выявлены случаи обвинения мужчины в женоподобном поведении.

Что касается не количественного, а качественного содержания лексико-тематических групп, следует особо выделить инвективные метафоры, т.к. именно данная группа является самой разнообразной по составу. В данную группу входят сравнения, основанные как на живых, так и неживых объектах действительности.

В таблице 2 приведены высокочастотные инвективные единицы, выявленные в работах писателя.

Таблица 2. Высокочастотные инвективы в произведениях Г. Исхакый.

Инвектива	Количество	Частотность (%)
1. <i>каһәр</i> (букв. проклятие)	37	30%
2. <i>тиле</i> (букв. глупый)	15	12%
3. <i>шайтан</i> (букв. шайтан, дьявол)	13	11%
4. <i>эт</i> (букв. собака)	8	6%
5. <i>ахмак</i> (букв. дурень)	7	5%

Согласно статистке, самой частотной является инвективная единица *каһәр* (букв. проклятие), которая, как правило, употребляется в составе проклятий. Инвектива *тиле* (букв. глупый) занимает вторую позицию, как и лексико-тематическая группа, к которой она относится. Данный факт свидетельствует об особой ценности умственных способностей в татарской лингвокультуре.

Заключение

Проведенный анализ инвективной лексики и фразеологии в произведениях татарского писателя Г. Исхакый позволил сделать ряд значимых выводов.

Во-первых, следует отметить тот факт, что инвективная лексика была выявлена в определенном объеме в каждом рассмотренном труде.

Во-вторых, количественный и качественный состав инвектив является отражением исторической эпохи, в которой творил писатель. Так, наблюдается обилие проклятий в речи героев произведений. Кроме того, следует выделить минимальное количество заимствований из русского языка.

В-третьих, важно подчеркнуть важность средств выразительности (метафора, метонимия), их большую роль в создании стилистической образности и яркости художественного текста.

В-четвертых, конгломерат проанализированных инвектив указывает на их этноспецифику, т.е. инвективы способствуют отражению национально-культурных особенностей татар, их видения мира,

отношения между членами общества и раскрывают настоящие ценности народа.

Таким образом, исследование подтверждает, что инвективная лексика является важным средством для создания дополнительной экспрессии в текстах Г. Исхакий, а также служит для реализации оценочной функции и имеет прагматический потенциал, благодаря которому осуществляется воздействие на инвектума.

Библиографический список

Барабанова В.В., Сакс А.И. Инвективная лексика в речи молодежи // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Материалы X Международной научно-практической конференции. Омск, 2024. С. 6–9.

Демидов О.В. Инвективная лексика в СМИ (на примере политического журналистского дискурса) // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 11. № 1. С. 90–94.

Мещерякова Е.И., Скибо Т.Ю. Традиционная культура и инвективная лексика современной молодежи: психолого-педагогические аспекты проблемы // XXXII международные рождественские образовательные чтения. Сборник трудов конференций. Воронеж, 2024. С. 74–81.

Пономаренко Е.Б., Желтухина М.Р. Инвективная лексика в политическом медиадискурсе: англоязычные и русскоязычные эмоциональные проявления политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 120–130.

Рябова Т.В., Тищенко Н.Г. Инвективная лексика в современном политическом дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 10. С. 175–179.

Тагирова Ф.И., Вахитова Д.К. Функционирование инвективной лексики с компонентом-зоонимом в татарском и удмуртском языках // Ежегодник финно-угорских исследований. Том 11. Выпуск 4. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2017. С. 31–41.

Филимонов О.В. Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. № 4 (853). С. 153–160.

Исхакий Г. Зиндан. Сайланма проза һәм сәхнә әсәрләре. Казан: Тат. кит. нәшр., 1991. 671 б.

References

Barabanova V.V., Saks A.I. Invektivnaya leksika v rechi molodezhi // Problemy` modernizacii sovremennogo vy`sshego obrazovaniya: lingvisticheskie aspekty`. Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk, 2024. S. 6–9.

Demidov O.V. Invektivnaya leksika v SMI (na primere politicheskogo zhurnalistskogo diskursa) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. T. 11. № 1. S. 90–94.

Meshheryakova E.I., Skibo T.Yu. Tradicionnaya kul'tura i invektivnaya leksika sovremennoj molodezhi: psixologo-pedagogicheskie aspekty` problemy` // XXXII mezhdunarodny`e rozhdstvenskije obrazovatel`ny`e chteniya. Sbornik trudov konferencij. Voronezh, 2024. S. 74–81.

Ponomarenko E.B., Zheltuxina M.R. Invektivnaya leksika v politicheskom mediadiskurse: angloyazy`chny`e i russkoyazy`chny`e e`mocional`ny`e proyavleniya politikov // Aktual`ny`e problemy` filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2019. № 3. S. 120–130.

Ryabova T.V., Tishhenko N.G. Invektivnaya leksika v sovremennom politicheskom diskurse // Sovremennaya nauka: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarny`e nauki. 2022. № 10. S. 175–179.

Tagirova F.I., Vaxitova D.K. Funkcionirovanie invektivnoj leksiki s komponentom-zoonimom v tatarskom i udmurtskom yazy`kax // Ezhegodnik finno-ugorskix issledovanij. Tom 11. Vy`pusk 4. Izhevsk: Izdatel'skij centr «Udmurtskij universitet», 2017. S. 31–41.

Filimonov O.V. Invektivnaya leksika v upravlencheskom diskurse v silovy`x vedomstvax // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny`e nauki. 2023. № 4 (853). S. 153–160.

Isxaky`j G. Zindan. Sajlanma proza ham saxna asarlare. Kazan: Tat. kit. nashr., 1991. 671 b.

UDC 811.512.145

SEMANTIC PECULIARITIES OF INVECTIVE VOCABULARY IN THE WORKS OF G. ISKHAKY

D.K. Vakhitova

*PhD (Candidate) in Philology, Docent,
Associate Professor at the Department of foreign languages
e-mail: dilik15@yandex.ru*

Kazan State University of Architecture and Engineering (Kazan, Russia)

The article deals with the invective vocabulary in the works of the Tatar writer G. Iskhaky, who worked at the beginning of the 20th century. As a result of the analysis, the identified set of invectives was formed into six main lexical-thematic groups. It is noted that the most extensive is the group of curses, and the most frequent invective unit is kahar (curse). The most diverse in terms of its composition is the group of invectives based on metaphorical transfer. As a result of the study, it was found that invective vocabulary was identified in a certain volume in each literary work. Thus, invective vocabulary is an important means of creating additional expression in the texts of G. Iskhaky, and also serves to implement the evaluative function.

Keywords: *invective vocabulary, Tatar language, Tatar literature, metonymy, emotional-evaluative vocabulary, metaphor.*